

Е.В. Романова*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

К числу ключевых направлений исследований в истории и теории международных отношений относится изучение особенностей и природы системной трансформации. С этой точки зрения рассмотрение причин и последствий Первой мировой войны, ставшей одним из переломных моментов в истории европейской цивилизации, представляет особый интерес. В данной статье предпринята попытка раскрыть специфику трансформации системы международных отношений накануне и после Первой мировой войны через анализ изменения положения ведущей мировой державы той эпохи — Великобритании. Ключевую роль в интерпретации и систематизации обширного и разнопланового фактического материала сыграли концепции гегемонии и баланса сил, описывающие важнейшие структурные характеристики системы. Подобный подход позволил автору по-новому взглянуть на целый ряд устоявшихся представлений и оценок. Так, в первой части статьи показано, что доминирование Великобритании в системе мирового хозяйства на протяжении большей части XIX века хоть и способствовало поддержанию европейского равновесия, но отнюдь не было его основой. Происходившие в конце XIX — начале XX столетия процессы ослабления британского доминирования и изменения баланса сил анализируются в связи с целым комплексом экономических, политических и идеологических факторов, к числу которых относятся резкое усиление «молодых» капиталистических держав (США, Германии), а также кризис традиционных европейских либерализма и консерватизма. Во второй части статьи в центре внимания автора — масштабные изменения в расстановке сил на международной арене, связанные с итогами Первой мировой войны. В статье показано, что после окончания военного конфликта Великобритания предприняла попытки преодоления наметившихся в его преддверии тенденций, однако недостаток собственных ресурсов вкупе с сохранявшимся высоким потенциалом Германии и растущей мощью США выступал препятствием на данном пути. В европейской системе баланса сил важным дестабилизирующим фактором оставалась Германия. На глобальном уровне ни Великобритания, ни

* Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

США — хотя и в силу разных обстоятельств — не смогли стать архитекторами нового мирового экономического порядка. Существовавшие между Лондоном и Вашингтоном противоречия и различия в интересах не создавали условий для коллективного осуществления ими функции гегемона.

Ключевые слова: Первая мировая война, система международных отношений, баланс сил, гегемония, Великобритания, Британская империя, Германская империя, Соединенные Штаты, Версальско-Вашингтонская система, «Срединная Европа».

В последние годы в отечественной и зарубежной исторической науке наблюдается всплеск интереса к изучению Первой мировой войны. Такое повышенное внимание вполне закономерно. Оно определяется не только наступившей в 2014 г. «круглой датой» — столетием начала Великой войны, но прежде всего той ролью, которую этот масштабный конфликт сыграл в истории Европы и мира в XX в., задав векторы развития многих важнейших процессов как в политической и социальной жизни отдельных государств, так и в международных отношениях. Не менее значимой причиной обращения к истории Первой мировой войны является актуальность исследования проблемы трансформации системы международных отношений, одной из главных движущих сил которой на протяжении Нового и Новейшего времени выступал крупный военный конфликт. Завершение векового цикла — «короткого XX века», открытого Первой мировой войной, дало импульс масштабным изменениям на международной арене, сопровождающимся нарушением прежнего баланса сил, распадом ряда государств и сменой политических режимов, увеличением числа локальных конфликтов и войн, возникновением новых институтов, норм и правил международного взаимодействия. Как в исторических работах, так и в публицистике нередкими становятся параллели между современностью и переживавшим революционные перемены миром начала XX в.

Под влиянием эпохальных событий последнего тридцатилетия претерпевают изменения подходы к анализу как самих систем международных отношений, так и процессов их смены в политологических исследованиях и в работах, посвященных конкретно-историческим сюжетам. Преобладающий в период доминирования реалистической и неореалистической парадигм акцент на факторе изменения в распределении мощи между основными участниками системы как условия и основном содержании масштабных трансформаций [Gilpin, 1981] дополняется, а иногда и подменяется рассмотрением эволюции норм, практик, механизмов межгосударственного взаимодействия, смены господствующих идей и вниманием к государству как социальному субъекту, характеристика которого

не может ограничиваться лишь оценкой его относительной мощи [New thinking in international relations theory, 1997; Schroeder, 1996]. Звучат призывы отказаться от поиска «онтологической стабильности», стремления вывести всеобщие закономерности и обратиться к правде социальной жизни, отличающейся высокой степенью динамизма и не вписывающейся в рамки универсалистских схем [Lebow, 2003; Clark, 2013]. В противовес долгое время господствовавшему структурному детерминизму подчеркиваются многовариантность исторического развития, важность учета фактора взаимодействия структур и субъектов. Однако это отнюдь не означает пренебрежения теорией и не исключает ее применения в качестве исходного пункта для анализа исторических реалий, а скорее является предостережением против неоправданного упрощения представлений об историческом процессе.

Первая мировая война традиционно рассматривается как рубеж, ознаменовавший крах старой и становление новой системы международных отношений, однако было бы явным преувеличением утверждать, что проблема этой трансформации является центральной для историков Великой войны. Одним из объяснений некоторого недостатка внимания к ней может служить тот факт, что рамки процесса трансформации системы международных отношений гораздо шире периода войны. «Многие считают, что XX век начался в 1914 году. Есть более реалистичная точка отсчета — 1890 год. В 1890 г. Европа начала путь к Великой войне», — пишет современный исследователь Алан Кассельс [Cassels, 1996: 114]. С указанной историком датой, как, впрочем, и с самой возможностью в пределах одного года определить «смысловую границу» между столетиями, можно поспорить. Подобные вехи всегда носят условный характер. Однако такое смещение «начала XX в.» вглубь подчеркивает, что Великая война была продолжением и следствием достаточно длительного процесса изменений, происходивших в Европе и в мире на рубеже двух веков. Будучи их кульминацией и каталлизатором, она не являлась их исходной точкой.

Нередко исследователи продлевают хронологические рамки периода трансформации, начавшейся в конце XIX в., до Второй мировой войны. Так, для П. Кеннеди главным содержанием этого периода является переход от многополярности к биполярности, который в трактовке историка продолжался с 1885 по 1943 г. [Kennedy, 1989]. Ч. Моват, редактор 12-го тома фундаментальной Кембриджской истории Нового времени, охватывающей отрезок с 1898 по 1945 г., видит одну из основных тенденций мирового развития на этом этапе в утрате Европой прежней роли, сведении ее к размерам «карлика» («dwarfing of Europe»). Его трактовка изме-

нений в сфере международных отношений гораздо шире замены многополярной системы биполярной, огромное место в ней занимает замеченный еще В.И. Лениным процесс «пробуждения Азии»¹, под которым он, однако, понимает не столько развитие революционно-демократического движения в азиатских странах и колониях, сколько создание условий для роста потенциала и роли этого региона в мировом хозяйстве и международных отношениях [New Cambridge Modern history, 2014: 4–6]. В научных дискуссиях, разворачивающихся в настоящее время в нашей стране, нередко звучит тезис о «Второй тридцатилетней войне», длившейся с 1914 по 1945 г. [Первая мировая война, 2014: 12].

Не оспаривая правомерности подобных подходов к определению трансформации, в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением тех изменений, которые происходили в системе международных отношений накануне, в годы Первой мировой войны и в период становления Версальско-Вашингтонской системы. Определяя направление анализа, мы будем отталкиваться от господствующих в политологии представлений о гегемонии или балансе сил как о структурных основах системы и, соответственно, уделим внимание процессу смены доминирующей державы и переменам в распределении мощи. В рамках теории международных отношений рассмотрение эволюции системы как истории последовательных циклов гегемонии (лидерства) той или иной державы является одним из давно утвердившихся подходов. Его сторонники связывают с Первой мировой войной упадок британского доминирования в мире и начало возвышения США, утвердившихся в качестве гегемона системы в результате Второй мировой войны. Такой общий вывод не вызывает сомнений, однако представляется целесообразным остановиться на некоторых особенностях этого процесса, затронуть вопрос его связи с развитием международно-политического конфликта в Европе. В попытке не сводить указанный процесс к действию обезличенных структурных факторов мы уделим особое внимание позиции одной из великих держав — Великобритании, через анализ изменения положения которой и его восприятия государственными деятелями мы постараемся раскрыть специфику трансформации системы международных отношений.

* * *

XIX век вошел в историю как *Pax Britannica*. Известный американский историк П. Шредер справедливо называл Великобританию после наполеоновских войн единственной мировой державой

¹ Ленин В.И. Пробуждение Азии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 146.

[Schroeder, 1992]. Она обладала обширной колониальной империей, а также «неформальной империей» в Азии и Латинской Америке [Gallagher, Robinson, 1953]. Британское могущество, достигшее своего расцвета в конце 1840-х — середине 1870-х годов, базировалось на промышленном и торговом преобладании. Доля Великобритании в производстве мировой промышленной продукции к 1860 г. составляла 19,9%, страна была лидером в выплавке железа (на ее долю приходилось 53% мировой выплавки) и добыче угля (50% мировой добычи). По оценкам П. Кеннеди, промышленный потенциал Великобритании в тот период составлял 55–60% европейского промышленного потенциала и 40–45% мирового. Ведущую роль страна играла и в мировой торговле, где ее доля составляла 20%, а в торговле промышленной продукцией — 40% [Kennedy, 1989: 193–194].

Великобритания занимала центральное положение в системе мирохозяйственных связей, чему в значительной степени способствовал ее переход к свободной торговле, стимулировавший международное разделение труда. Возможности для британского экспорта обеспечивались тем, что сама Великобритания была крупнейшим импортером, поглощая в первую очередь зарубежную сельскохозяйственную продукцию и сырье. Уже в середине XIX в. британский импорт превышал экспорт, торговый баланс Великобритании был отрицательным. В период с 1851 по 1875 г. среднегодовая стоимость британского экспорта и реэкспорта составляла 195 млн ф. ст., импорта — 246 млн ф. ст. [Cain, Hopkins, 1993: 169]. При этом дефицит наблюдался прежде всего в торговле с европейскими странами и США. Напротив, сальдо торгового баланса с колониями было положительным. Последние в свою очередь компенсировали этот дефицит положительным сальдо в торговле с промышленно развитыми европейскими странами и США. Таким образом, Великобритания представляла собой необходимое звено, уравновешивавшее систему мировой торговли.

Дефицит торгового баланса не ослаблял, по крайней мере в среднесрочной перспективе, позиций Великобритании в складывавшейся системе мирового хозяйства. Дело в том, что с ростом международной торговли активно развивался сектор, ее обслуживавший. Торговле соответствовали сеть паромных маршрутов, страховые соглашения, финансовые связи. С середины XIX в. значение Великобритании как центра банковских, кредитных, страховых услуг, лидера в морских перевозках и транзитной торговле неизменно росло. Увеличивались объемы британских зарубежных инвестиций. Капитал, полученный в результате промышленной революции и неэквивалентного обмена, в поисках прибыли часто направлялся

на периферию системы международных отношений. Объем британских зарубежных инвестиций составлял около 200 млн ф. ст. в 1850 г. и около 700 млн ф. ст. — в 1870 г. [Cain, Hopkins, 1993: 173]. В среднем ежегодно за рубежом вкладывалось около 30 млн ф. ст. британского капитала в 1850-е годы и 75 млн ф. ст. в 1870-е [Kennedy, 1989a: 200]. Доходы от «невидимого экспорта», т.е. инвестиций, фрахтов, страховых услуг, с лихвой покрывали неуклонно увеличивавшийся к концу XIX в. дефицит во внешней торговле. Благодаря этим доходам профицит платежного баланса в период 1851–1875 гг. составлял 34 млн ф. ст. [Cain, Hopkins, 1993: 170].

Развитию мировой торговли способствовали рост капиталов лондонского Сити и прочность фунта стерлингов, который являлся основной валютой международных торговых обменов. Он конвертировался в золото по фиксированному курсу, его востребованность определялась положением Великобритании в системе мирохозяйственных связей, надежность опиралась на британскую экономическую мощь, военно-морской флот, обеспечивавший свободное течение торговли, и относительную безопасность страны в силу ее островного положения [New Cambridge Modern history, 2014: 41–42].

Преобладание Великобритании в складывавшейся системе мирового хозяйства сосуществовало с преимущественно европейской системой баланса сил и «концерта держав». Каким образом были взаимосвязаны эти две системы? Французский историк Ф. Бродель характеризует «систему так называемого *европейского равновесия*» как «своего рода отражение мира-экономики», центром которого в XIX в. являлся Лондон. «Целью, — как поясняет историк, — было образовать и удерживать периферийные и полупериферийные [районы], где никогда не исчезали до конца взаимные напряженности, так, чтобы не ставилось под угрозу могущество центра» [Бродель, 1992: 40]. Р. Матцке, обратившаяся к исследованию британской политики в ранневикторианскую эпоху, пришла к выводу о том, что именно Лондон способствовал поддержанию европейского равновесия. Инструментом, позволявшим Великобритании осуществлять эту функцию, был королевский флот, применение или угроза применения которого сдерживала других участников международной системы от попыток нарушить баланс сил [Matzke, 2011: 3, 217]. Иной точки зрения придерживается П. Шредер, считающий, что Великобритания не играла не только исключительной, но даже сколько-нибудь значительной роли в поддержании баланса сил в Европе. Суть Pax Britannica, по мнению американского исследователя, заключалась в обеспечении определенного порядка вне Европы [Schroeder, 1996: 401].

На наш взгляд, бесспорно, что фактор приверженности одной из ведущих европейских держав стабильности системы, обеспечивавшейся в тот период равновесием сил в Европе, сам по себе был важным условием ее устойчивого состояния. Вовлеченность Великобритании в мирохозяйственные связи порождала ее заинтересованность в беспрепятственном функционировании механизма международных обменов. На протяжении середины XIX — начала XX в. либеральные публицисты подчеркивали благотворность мира и пагубность возможной большой войны, грозившей нарушением мировой торговли. Эта идея не являлась догмой британской политики, но оказывала на нее значительное влияние. В то же время вряд ли правомерно объяснять поддержание равновесия в Европе британской гегемонией в масштабе глобальной системы мирохозяйственных связей и видеть причины дестабилизации европейской системы международных отношений в ее подрыве. Великобритания вмешивалась (военными или дипломатическими средствами) в события на Европейском континенте в целях ослабления своих потенциальных конкурентов в борьбе за влияние в том или ином регионе. Например, она противостояла России в годы Крымской войны, препятствовала усилению французских позиций в Италии, а значит, и в Средиземноморье на рубеже 1850—1860-х годов. Однако вряд ли это вмешательство можно назвать определяющим для поддержания баланса сил в Европе.

Не британская гегемония обеспечивала стабильность — и гегемония, и относительная международная стабильность являлись производными от других факторов. Опережающие темпы британской индустриализации обуславливали уникальное положение страны в системе мирохозяйственных связей. Ослабление же британских позиций было вызвано развитием других держав, которое Лондон не мог контролировать. Соглашаясь с тем, что реализация в Европе одного из основополагающих принципов британской политики — «баланса сил» была важнейшим условием глобального доминирования Лондона, мы склонны говорить скорее о взаимосвязи процессов, протекавших на глобальном и европейском уровнях, а не об одностороннем воздействии одних на другие. Об этом свидетельствует история международных отношений последней трети XIX — начала XX в. — периода, который характеризовался ростом конкуренции на международной арене и началом процесса относительного ослабления Великобритании.

В первую очередь это проявилось в сфере экономики. Завершение промышленного переворота в других странах дало импульс их стремительному экономическому развитию, темпы которого в ряде

случаев опережали британские. Англия теряла свои позиции «мастерской мира». При абсолютном росте производства британской промышленной продукции ее доля в мировом производстве в конце XIX — начале XX в. неуклонно падала, составляя в 1880 г. 22,9%, а в 1913 г. — лишь 13,6%. Снижались и темпы роста: от 3–4% ежегодно в середине XIX в. до 1,5% в период 1875–1895 гг. Великобритания не была лидером в новых отраслях промышленности — химической, электротехнической. Наиболее быстрыми темпами развивались экономики Германии и США, доли которых в производстве мировой промышленной продукции за период с 1880 по 1913 г. увеличились соответственно с 8,5 до 14,8% и с 14,7 до 32% [Kennedy, 1989: 259].

Индустриализация держав и рост на ее фоне экономического соперничества породили изменения как в формах организации производства, так и в экономической политике ряда стран. Экономический кризис 1873 г. продемонстрировал уязвимость либеральных принципов. Его последствиями стали концентрация производства, с одной стороны, и переход большинства государств к протекционизму, вызванный стремлением защитить свою экономику от иностранной конкуренции, — с другой. По словам Э. Хобсбаума, наступила «постлиберальная эра», породившая «международную конкуренцию национальной промышленной экономики — британской, немецкой, североамериканской» [Хобсбаум, 1999: 424]. О закате либеральной эры и вхождении мира в эпоху империализма, а по сути — о начале процесса трансформации в мировой экономике и международных отношениях писали современники — как либералы, так и марксисты, в числе которых Дж. Гобсон, К. Каутский, В.И. Ленин². Однако, подчеркнем, это был длительный процесс, а не мгновенный перелом; тенденция хотя и мощная, но не всепоглощающая. Построенная во многом на британском промышленном, торговом и финансовом преобладании и в значительной степени его поддерживавшая, система свободной торговли лишь постепенно уходила в прошлое.

Изменения в экономике отразились на характере политических отношений между государствами. На первый план выходил конфликт между Англией и Германией — двумя экономически наиболее мощными великими державами Европы. В этом противостоянии для Англии решался вопрос сохранения своего доминирования в системе мирохозяйственных связей, поддержания своей империи.

² Hobson J. Imperialism. A study. New York: James Pott and Co., 1902; Kautsky K. Ultra-imperialism // Die Neue Zeit, Sept. 11, 1914; Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1973.

Лондон не могли не тревожить экономическая мощь империи Гогенцоллернов, сильнейшая армия, способная стать инструментом установления германского преобладания на Европейском континенте, и программа строительства военно-морского флота, призванная подкрепить слова императора Вильгельма II о превращении Германии в «мировую державу». Реализация Берлином планов морского строительства в перспективе могла поставить под угрозу британский контроль над системой морских коммуникаций, а значит, и над течением международной торговли, повышала уязвимость как метрополии, так и империи. Сам факт германской мощи, в оценке одного из влиятельных сотрудников британского Форин Офис Эйра Кроу, создавал условия для принятия Берлином в любой момент курса, потенциально «нацеленного на общую политическую гегемонию и морское преобладание, угрожающее независимости ее соседей и в конечном итоге существованию Англии»³. Восприятие этой угрозы привело Великобританию к сближению с франко-русским союзом, образованным в противовес австро-германской комбинации держав на Европейском континенте. Подобно тому, как в системе мирохозяйственных связей в прошлое уходила либеральная эпоха свободной торговли, сменявшаяся противостоянием национальных экономик, в европейской политике на смену гибким, менявшимся по обстоятельствам союзам приходило блоковое размежевание.

Возвышение Германии повлияло на европейский баланс сил. В системе европейских отношений последней трети XIX в. на первый план выходили новые конфликты, которые стали задавать основное направление ее развития и послужили основой для формирования в конце 1870-х — начале 1890-х годов военно-политических союзов. Объединение Германии породило франко-германский антагонизм и создало предпосылки для развития русско-германского конфликта. Еще в период Франко-прусской войны, в 1870 г., проницательный современник — поэт и дипломат Ф.И. Тютчев писал об угрозе, которую германское преобладание в Европе таило для России⁴. Заключение Германией союза с Австро-Венгрией, соперничавшей с Россией на Балканах, а также ее активное проникновение в Османскую империю способствовали росту конфликтности в германо-русских отношениях.

На протяжении многих лет в научной литературе продолжается дискуссия о характере воздействия блокового размежевания нака-

³ Memorandum by Mr. Eyre Crowe. British documents on the origins of the War / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. Vol. III. London, 1928. P. 418.

⁴ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 322.

нуне Первой мировой войны на стабильность системы [Deutsch, Singer, 1964: 390–406; Kissinger, 1994: 160; Ревякин, 2004: 177–178; Романова, 2008]. На наш взгляд, носившие оборонительный характер союзы служили инструментом взаимного сдерживания лишь в краткосрочном плане. Достаточно жесткая структура в Европе в сочетании с завершением раздела мира оставляла чрезвычайно мало простора для развития системы, поэтому она не смогла стать прочной основой стабильности. Локальные конфликты воспринимались в рамках блокового противостояния, ослабление союзника грозило нарушением баланса сил. В конечном итоге подобная система не предотвратила мировой войны, а скорее способствовала ее возникновению. Союзы и антанты усилили степень переплетения конфликтов на разных уровнях и создали механизм для эскалации регионального противостояния в европейскую и мировую войну.

Все же решающую роль в возникновении войны, как представляется, сыграли не структурные особенности системы, а характер межгосударственных противоречий, который во многом предопределил складывание военно-политических альянсов. Современные исследователи все чаще ставят вопрос о глубине этих противоречий и возможности их преодоления; о наличии в Европе начала XX в. условий для альтернативного хода истории [Романова, 2014]. Очевидно, что сформировавшиеся союзы не подчинили себе политику входивших в них держав, принадлежность к одному из них не исключала возможных договоренностей с государствами противостоявшего альянса. Попытки сближения накануне Первой мировой войны присутствовали во франко-германских, англо-германских, русско-германских, австро-русских отношениях, но интересы, которые лежали в их основе, в конечном итоге оказались второстепенными. Так, стремление некоторых представителей финансовых и колониальных кругов Франции к сотрудничеству с Германией на Ближнем Востоке или в Марокко не могло определять приоритеты французской политики в условиях восприятия угрозы собственной безопасности со стороны Германии, подобно тому как осознание взаимных выгод от торговых обменов не стало базой для мирного развития англо-германских отношений, а приверженность консервативным, монархическим ценностям не предотвратила разрыва России и Германии.

Изменения, произошедшие в конце XIX — начале XX в. в сфере международной экономики и политики, затронули и область идей. Универсалистские составляющие консерватизма и либерализма постепенно отходили на второй план, замещаясь национализмом и империализмом, которые рассматривались и как база для сплю-

чения внутри европейских стран, и как идейная основа для отстаивания интересов на международной арене.

Об эрозии либеральных принципов в конце XIX в. свидетельствовало появление в Великобритании феномена «либерального империализма». Отход Лондона от поддержания низкого уровня расходов на вооружения и от предпочтения неформальных методов влияния установлению прямого колониального господства отражал, говоря словами Э. Хобсбаума, наступление «постлиберальной эры». Осознание нарастающей конкуренции со стороны других держав и необходимости концентрации сил для сохранения собственных международных позиций порождало мысль о консолидации империи, ее ресурсов под эгидой Лондона и создании тем самым «более Великой Британии» (Greater Britain), способной в перспективе выдержать соперничество с развитыми промышленными странами. Именно обладание империей воспринималось как необходимое условие статуса и влияния мировой державы. Как отмечал в начале XX в. кембриджский профессор Джон Сили, отпадение колоний и доминионов «поставило бы Англию на уровень ближайших континентальных держав: она все еще имела бы значительное население, но население меньшее, чем Германия, и едва равное населению Франции, тогда как два государства — Россия и Соединенные Штаты сделали бы величинами высшего порядка <...>. Торговля Англии подверглась бы новым опасностям». Лишь консолидация империи, которую Дж. Сили мыслил в форме имперской федерации, позволяла Англии «стать наряду с Россией и Соединенными Штатами, т.е. в первом ряду по численности населения и обширности территории <...> выше других континентальных держав»⁵.

В то же время Англия не стремилась замкнуться в рамках своей империи. Фактически непоколебимой оставалась ее приверженность свободной торговле. Этому способствовали как никогда высокие доходы от международной торговли, инвестиций, банковских операций, позволявшие Великобритании пренебрегать защитой собственной промышленности (профицит платежного баланса в 1901–1913 гг. вырос до 134 млн ф. ст. [Cain, Hopkins, 1993: 170]).

Несмотря на переход многих стран к протекционизму и расширение колониальных империй европейских держав, Лондон сохранял ведущие позиции в системе мирохозяйственных связей. Утрата доминирования была лишь перспективой, что определяло двойственность британского отношения к возможной европейской войне.

⁵ Сили Дж. Расширение Англии // Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. М.: ЭКСМИ «Алгоритм», 2004. С. 25–26.

Мысль о ее иррациональности, пагубности, способности подорвать британскую экономику и разрушить функционировавшую систему мировой торговли, в значительной степени обеспечивавшую благосостояние Великобритании⁶, сосуществовала с подготовкой к военному конфликту, обусловленной пониманием того, что возможной альтернативой участию в нем ввиду роста конкуренции на международной арене, в особенности усиления Германии, может стать уступка глобального преобладания победителю.

* * *

В ходе Первой мировой войны, как и в любом крупномасштабном конфликте, решался вопрос о том, каким будет послевоенный мир. Безусловно, его решение зависело от исхода борьбы на фронтах и состояния тыла воевавших стран. В то же время на протяжении войны данный вопрос был предметом обсуждения как среди государственных деятелей, так и в интеллектуальных кругах великих держав. В более широком контексте перспектив развития капитализма как глобальной системы он ставился преимущественно марксистскими и либеральными теоретиками.

Не задаваясь целью рассмотреть эти дискуссии, отметим, что в них, по сути, намечалось два возможных пути эволюции глобальной системы взаимодействия ведущих промышленных государств: продолжение ее развития как системы соперничества и войн или переход в более мирную стадию, которая в ряде интерпретаций связывалась с установлением гегемонии в том или ином виде. Так, еще в 1914 г. К. Каутский писал о вероятности в результате войны смены фазы империализма, характеризовавшегося ожесточенным соперничеством, гонкой вооружений и войнами, в основе которых лежало стремление крупных промышленных государств расширить свою империю в противовес другим подобным империям, «ультраимпериализмом», т.е. установлением монополии в форме федерации наиболее сильных империалистических стран, созданием своего рода «священного союза империалистов»⁷.

Однако более распространенным было представление о том, что характерное для европейских отношений предвоенного времени ожесточенное экономическое соперничество, в итоге вылившееся в войну, продолжится и после ее окончания. Одним из наиболее влиятельных политических деятелей и публицистов, отстаивавших этот тезис, был Ф. Науманн, известный своей разработкой кон-

⁶ Энджель Н. Великое заблуждение: Этюд о взаимоотношениях военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1912.

⁷ Kautsky K. Op. cit.

цепции «Срединной Европы». Необходимость создания под эгидой Германии средневропейского объединения, которую отстаивал Ф. Науманн, он обосновывал тем, что, по его мнению, в перспективе лишь крупные образования будут способны играть самостоятельную роль в мировой политике. Эту мысль он подкреплял опытом войны, за год которой, по его словам, «все наши понятия о масштабах (all our notions of great and small) были изменены <...> больше, чем за предшествующее десятилетие»⁸.

К мировым центрам силы публицист относил Лондон, Нью-Йорк, Москву. В случае успеха проекта «Срединной Европы» в их число мог войти Берлин. Они представляли собой в значительной степени экономически самодостаточные и поэтому автономные организмы (примечательно, что германский теоретик предрекал эволюцию британской политики в направлении «от интернационализма свободной торговли» к протекционизму в рамках империи⁹), способные в будущем бороться за то, чтобы «определять судьбы человечества»¹⁰.

Цели войны, сформулированные германским руководством, во многом перекликались с концепцией Ф. Науманна. По сути, они предполагали установление доминирования Германии в Европе. В качестве средства решения этой задачи рассматривались прямые аннексии, наложение контрибуции, а также торговых и военных ограничений на потенциальных конкурентов, создание под эгидой Берлина таможенного союза. Страны Антанты при всех различиях в желаемой ими степени ослабления Германии стремились не допустить ее превращения в европейского гегемона и сокрушить претензии на статус мировой державы.

Каким был исход этого противостояния? В 1915 г. Ф. Науманн намечал три возможных сценария окончания войны: поражение Германии, сводившее ее к положению государства-сателлита, не способного играть самостоятельную роль в политике; частичная победа, обрекавшая Берлин на новую войну; и, наконец, прочная победа, «облегчавшая, — по словам Ф. Науманна, — задачи наших детей и внуков, ибо тогда Срединная Европа оказалась бы вписанной в Книгу Судеб грядущих веков»¹¹. Казалось бы, в ноябре 1918 г. ответ на вопрос об исходе войны был очевиден: она закончилась поражением Германии. Впоследствии ей был навязан Версальский мир, согласно которому она теряла не только свои заморские владения, но и часть европейской территории, на нее налагались обя-

⁸ Naumann F. Central Europe. New York, 1917. P. 179.

⁹ Ibid. P. 206.

¹⁰ Ibid. P. 179–180.

¹¹ Ibid. P. 180.

зательства по выплате репараций, а также ограничения военного и экономического характера.

Вместе с тем оценка ситуации и перспектив будущего места Германии в системе международных отношений среди держав-победительниц свидетельствовала об их неверии в то, что победа позволит достаточно долго удерживать Берлин в роли сателлита. Еще в ходе войны в правящих кругах стран Антанты допускали, что ее окончание не завершит борьбу с Германией. Одно из свидетельств этого — решения Парижской конференции союзников по экономическим вопросам (в июне 1916 г.), предполагавшие сохранение после войны экономического блока Антанты, направленного против стран Центрального блока [Soutou, 1989: 231–412]. Жесткие условия Компьенского перемирия также были продиктованы опасениями возрождения германской мощи. Но и после его подписания вопрос о подрыве потенциала Германии для претензий на европейское доминирование не был решен.

Для государственных деятелей и дипломатов стран Антанты было характерно представление о том, что Германия останется фактором силы в европейской политике. Так, в британских правящих кругах не верили в свою способность предотвратить оцениваемую как вполне возможную в не столь отдаленном будущем экспансию Германии в направлении государств, которые образовались на территории распавшейся в результате войны Австро-Венгрии [Goldstein, 1991: 125]. Особенно сильно возрождения германской мощи опасались в Париже. Там полагали, что, несмотря на отторжение от Германии ряда территорий и наложение на нее репараций и ограничений военного характера, сохранение в будущем военно-политического преобладания Франции было совсем не гарантировано. Промышленная база и демографические ресурсы восточного соседа Третьей республики давали основания для пессимистичных прогнозов [Магадеев, 2014: 35–36].

Как и в предвоенный период, Германию считали потенциально дестабилизирующим фактором системы. В качестве вариантов противодействия возможной дестабилизации рассматривали ограничение и сдерживание Германии, с одной стороны, и поиски путей сотрудничества с ней и превращения ее в державу статус-кво — с другой. Первый вариант предполагал закрепление Версальской системы как антигерманской, второй — как системы европейского равновесия, для которой характерно преобладание сотрудничества над конфликтностью. И если Франция в наибольшей степени склонялась к первому варианту, то Англия — ко второму. Такая позиция Лондона после нескольких лет предвоенного соперничества и тяжелой войны объяснялась рядом факторов. В их числе —

и ограниченность ресурсов, и нежелание тратить те, что имелись, на продолжение борьбы, и опасения возможного союза «отверженной» Германии с большевистской Россией. Существенно ослабил англо-германские противоречия в послевоенный период тот факт, что Берлин лишился военно-морского флота, колоний, а также влияния на Ближнем Востоке. Таким образом, снималась угроза (по крайней мере, в ближайшей перспективе) возможного проведения Германией «мировой политики», затрагивавшей интересы Британской империи. Однако чрезвычайно важным было и то, что в Лондоне стремились к возрождению баланса сил в Европе и прежней системы хозяйственных связей. Первое требовало восстановления Германии в роли великой (но не мировой) державы, второе — в качестве страны с достаточно устойчивой экономикой.

Идеалом британской политики был «возврат к 1914 г.», а скорее — даже к более раннему периоду, когда британское доминирование еще не столкнулось с «вызовом» со стороны Германии. Однако вычеркнуть военный конфликт и его последствия было невозможно. Первая мировая война нанесла удар, хотя и разной степени тяжести, по экономике всех европейских держав — и побежденных, и победителей, нарушила старые хозяйственные связи, вызвала серьезное сокращение объемов мировой торговли. Это не могло не сказаться на позициях Великобритании, благополучие которой в значительной степени зависело от функционирования системы международных торговых обменов.

Еще до начала войны британские государственные деятели и дипломаты осознавали, что концентрация ресурсов против Германии способна привести к ослаблению глобального лидерства Великобритании. Показательным примером стало обсуждение проблемы сосредоточения британского флота в европейских водах, вызванной к жизни интенсивным военно-морским строительством империи Гогенцоллернов. Так, в 1906 г. внешнеполитическое ведомство высказало беспокойство в связи с тем, что требования британской мировой политики приносились в жертву сосредоточению флота¹². Бурную дискуссию вызвало принятое в 1912 г. решение о сокращении британского морского присутствия в Средиземном море. В 1912–1913 гг. на страницах авторитетного морского ежегодника Брассея (*Brassey's Naval Annual*) последовательно проводилась мысль о неоправданности масштабов концентрации флота, зашедшей, по оценке издания, слишком далеко¹³. Решая проблему нейтрализации германской угрозы, она вместе с тем несла

¹² The National Archives, UK (далее — TNA). Cabinet Papers (далее — Cab.). 37/84/77.

¹³ *Brassey's Naval Annual*. London, 1912. P. 78; 1913. P. 82, 88.

с собой новую, едва ли не более серьезную опасность подрыва британского могущества без войны в силу «добровольного» ухода Англии с периферии системы.

Однако в преддверии войны, как и в ее ходе, недопущение усиления Германии было приоритетом. Уже в 1915 г. Великобритания вынуждена была отказаться от фактически принятой в начале конфликта стратегии «ведения дел как обычно». Война потребовала применения новых методов мобилизации ресурсов. Ее финансирование осуществлялось за счет роста налогов, выпуска не обеспеченных золотом бумажных денег, казначейских обязательств, внутренних и внешних заимствований. В 1915 г. колоссальный рост американского импорта поставил под угрозу стабильность обменного курса фунта стерлингов, являвшуюся одной из опор финансового доминирования Великобритании. Британская валюта была поддержана лишь за счет займа в США, предоставленного под обеспечение акций, облигаций и американских ценных бумаг, которые правительство Великобритании выкупало у частных владельцев.

Нельзя сказать, что британские государственные деятели не испытывали сомнений в правильности избранного курса и не осознавали его слабостей. Министры финансов и торговли Р. МакКенна и У. Рансимен видели угрозу финансовым позициям Великобритании во введении всеобщей воинской повинности — мере, активно обсуждаемой в стране с середины 1915 г. и в итоге принятой в 1916 г. Как отметил британский исследователь Д. Френч, комментируя это решение британского руководства, «банкротство казалось [им. — *E.P.*] более предпочтительным, чем поражение» [French, 1986: 159]. Сомнения усилились в 1916 г. Значительные заимствования из-за океана, исчерпание золотых и долларовых запасов в сочетании с информацией об огромных потерях в битве на Сомме, а также с неопределенностью сроков окончания войны заставляли часть политической элиты выступить с идеей заключения мира на условиях возвращения к довоенному статус-кво. Одним из наиболее влиятельных приверженцев подобного курса стал член кабинета министров, занимавший в начале XX в. пост министра иностранных дел, лорд Лэнсдаун. В ноябре 1916 г. он высказал свои идеи в записке, представленной кабинету министров¹⁴. Однако ни кабинет, ни соратники по Консервативной партии, ни руководство Генерального штаба не поддержали Лэнсдауна. Редактор газеты «Times» отказался публиковать его письмо. Начальник Генерального штаба У. Робертсон назвал заявление Лэнсдауна «причитаниями старого усталого человека» [French, 1986: 233]. Подобная

¹⁴ TNA. Cab. 37/159/32.

реакция отражала представление большинства военного и политического руководства Великобритании о том, что компромиссный мир не гарантирует безопасности метрополии и империи. В Лондоне боялись быстрого восстановления потенциала Германии и новых претензий на доминирование с ее стороны. Премьер-министр Д. Ллойд Джордж считал решение финансовой проблемы производной от победы в войне [Peter, 1994: 109].

Война несла с собой угрозу не только финансовому преобладанию Лондона. Переход империи Гогенцоллернов к неограниченной подводной войне и последовавшие за ним действия германских подводных лодок осложняли снабжение Великобритании в ходе конфликта, а в перспективе грозили утратой ведущей роли в сфере морской торговли. Ответом Лондона на действия германского военно-морского флота стало введение системы конвоев, позволившей значительно сократить потери тоннажа. В то же время принятие этой системы серьезно ограничивало возможности Великобритании осуществлять морскую торговлю с прежним размахом. Операции британских торговых судов были сконцентрированы на важнейшем направлении, т.е. в Северной Атлантике. Однако примечательно, что даже в тот период в Лондоне задумывались о перспективах развития морской торговли. Стремление сохранить свои глобальные позиции в будущем вылилось в принятие летом 1917 г. программы строительства транспортных судов, разработанной назначенным в июле того же года на пост первого лорда Адмиралтейства Э. Геддесом. Несмотря на нехватку рабочей силы и материалов, к ноябрю 1917 г. темпы строительства новых торговых судов почти достигли уровня 1913 г. [French, 1995: 70–76].

Отчасти этим стремлением сохранить свое лидерство диктовалось решение о заключении перемирия с Германией в ноябре 1918 г. Его целесообразность обсуждали на заседаниях Военного кабинета. Перемирие таило в себе риск того, что не потерпевшая военного поражения и окончательно не сокрушенная Германия сможет использовать мирную передышку для подготовки новых военных действий. Наиболее весомый аргумент в пользу прекращения войны был высказан генералом Я. Смэтсом: «...если мир будет заключен сейчас, то это будет британский мир». По мнению политика, затягивание войны еще на год грозило потерей Великобританией «первого места», а «мир, который тогда будет навязан полностью истощенной Европе, будет американским»¹⁵.

Вступление США в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г. стало одним из важнейших событий в международных отношениях

¹⁵ TNA. Cab. 24/67/91.

начала XX в. Оно ознаменовало претензии заокеанской державы не только на участие, но и на лидерство в организации послевоенного мира. В знаменитых «14 пунктах» президент Вудро Вильсон сформулировал новые принципы, которые, по его мнению, должны были лечь в основу послевоенной системы международных отношений.

Вместе с тем в среде американской военной и политической элиты присутствовало осознание того, что европейские державы, хотя и нуждались в помощи США в ведении войны и послевоенном восстановлении, не были готовы принять их безраздельное лидерство. Примечательно, что командующий американскими войсками в Европе генерал Джон Першинг полагал заключение перемирия преждевременным, поскольку американские войска к тому времени не проявили себя в войне. Более определенная роль американской армии в достижении победы, с точки зрения генерала, усилила бы позиции страны после завершения конфликта. Однако В. Вильсон надеялся на финансовые рычаги, которые, по его мнению, были способны склонить союзников к принятию американской точки зрения, а также на привлекательность либеральных и демократических идей, проповедуемых США [Ikenberry, 2001: 121–122, 155–160].

Как известно, препятствием на пути реализации амбициозной программы американского лидера были не только расхождения по ряду вопросов с ведущими державами Антанты — Великобританией и Францией, но и оппозиция В. Вильсону внутри страны. Сенат США не ратифицировал Версальский договор, Америка осталась вне лелеемой президентом Лиги Наций. Заявка В. Вильсона на морально-политическое лидерство США в мире не была реализована. На том историческом этапе заокеанская держава предпочла дистанцироваться от участия в складывавшейся политической системе международных отношений [Печатнов, Манькин, 2012: 161].

Проект «американского мира», которого опасался генерал Я. Смэтс, не осуществился, однако мощь Великобритании была серьезно поколеблена войной, что ставило под сомнение возможность сохранения Pax Britannica. Цена победы для Англии оказалась чрезвычайно высокой. Возросшие за годы войны расходы лишь чуть более чем на треть покрывались за счет увеличившихся налогов. Источником финансирования военных усилий стали внутренние и внешние займы. Государственный долг к концу войны составил 7,8 млрд ф. ст. Великобритания оставалась нетто-кредитором, предоставив кредитов своим союзникам на сумму в 1 млрд 741 млн ф. ст., тогда как поддержка военных усилий потребовала внешних займов на меньшую сумму — в 1 млрд 365 млн ф. ст. [Kennedy, 1985: 148].

Однако способность британских союзников вернуть долги была сомнительной, что негативно влияло на перспективы восстановления финансового лидерства Великобритании.

Ситуация усугублялась тем, что Первая мировая война ухудшила позиции страны в мировой торговле. В условиях вооруженного конфликта ей все труднее было сохранять прежнее превосходство на рынках Латинской Америки и Дальнего Востока, где она сталкивалась с возросшей конкуренцией со стороны США и Японии. Как едко заметил британский газетный магнат Дж. Риддл, говоря о своем недоверии к США, «у них будет огромный торговый флот, которого у них никогда не было, и рынки по всему миру, которые они осваивали, пока мы воевали» [Ikenberry, 2001: 123]. Действительно, за годы Первой мировой войны Вашингтон существенно укрепил свое экономическое влияние в Бразилии, Венесуэле, Перу, Чили. В несколько меньшей степени конкуренция со стороны Соединенных Штатов сказалась на британских экономических связях с Аргентиной: хотя ввоз в эту латиноамериканскую страну из США почти сравнялся с импортом из Великобритании, именно последняя оставалась главным потребителем аргентинской экспортной продукции.

До Первой мировой войны торговый дефицит Великобритании в значительной степени покрывался за счет торговли с Индией. Однако в условиях военного конфликта мобилизация ресурсов потребовала от Индии введения протекционистских тарифов, что нанесло серьезный удар по британским производителям текстиля, львиная доля которого направлялась на индийские рынки. Кроме того, покупательная способность Индии сокращалась в связи с потерей ею европейских рынков. Не решали проблемы торгового дефицита поступления от «невидимого экспорта»: если в 1914–1916 гг. они восполняли дефицит торгового баланса, то в конце войны их оказалось недостаточно, чтобы компенсировать возросший импорт [Kennedy, 1985: 146–151].

Расходы на войну, внешние заимствования, отток золота в США, сокращение доходов от иностранных инвестиций в результате военного конфликта, частичная утрата преобладающих позиций в мировой торговле — все это ослабляло фунт стерлингов. Многие представители финансовой и политической элиты видели возможность восстановления прежней роли Великобритании в системе мирового хозяйства посредством возврата к «нормальным временам», что предполагало отказ от методов государственного регулирования экономики, принятых в годы войны, обеспечение золотого стандарта фунта стерлингов. В 1918 г. комитет Кенлифа, созданный для выработки рекомендаций по вопросам валютно-финан-

совой политики, предложил возвращение к золотому стандарту и фиксацию прежнего курса фунта стерлингов по отношению к золоту [New Cambridge Modern history, 2014: 38]. Такая политика соответствовала интересам лондонского Сити, однако не могла решить задачи послевоенного восстановления страны. Рекомендации комитета Кенлифа первоначально не были выполнены. Послевоенная реконструкция и социальные программы Д. Ллойд Джорджа требовали высоких государственных расходов, поэтому в 1919 г. Великобритания формально отказалась от фактически уже не действовавшего в годы войны золотого стандарта. 1919–1920 гг. стали временем экономического бума, подпитываемого низкой процентной ставкой, государственными расходами и инфляцией. Оптовые цены в январе 1919 г. выросли почти в 2,3 раза по отношению к 1914 г., а в марте 1920 г. уже более чем в три раза; в феврале 1920 г. курс фунта стерлингов упал до отметки 3,40 долл. США, тогда как до войны 1 фунт стоил 4,86 долл. [Newton, 1996: 22].

Такое падение британской валюты по отношению к доллару было закономерным — оно отражало возросшую роль США в мировой экономике. Если промышленное производство в Европе с 1913 по 1920 г. сократилось на 23%, в США оно увеличилось на 22% [New Cambridge Modern history, 2014: 54]. Существенно возрос внешнеторговый оборот Соединенных Штатов. Среднемесячная стоимость импорта, составлявшая в 1913 г. 30 501 000 ф. ст., к февралю 1919 г. достигла цифры в 46 759 000 ф. ст. Особенно стремительным был рост американского экспорта: с 42 505 000 ф. ст. в среднем за месяц в 1913 г. до 120 560 000 ф. ст. в феврале 1919 г.¹⁶ Увеличение объемов внешней торговли США сопровождалось колоссальным ростом американского торгового флота. В этой сфере после Первой мировой войны Великобритания утрачивала свое преобладание. Если в 1914 г. США спускали на воду 8% торговых судов всего мира (Британская империя — 71%), то в 1918 г. — 56% (Британская империя — всего 29%) [Kennedy, 1985: 150]. За период с 1913 по 1930 г. объем американских иностранных инвестиций вырос с 2 до 15 млрд долл. [New Cambridge Modern history, 2014: 56].

Показателем ослабления британского лидерства стало то, что еще в годы войны в Лондоне начали позитивно оценивать перспективы вовлечения США не только в бушевавший конфликт, но и в послевоенную систему международных отношений. Конечно, надежды на взаимовыгодное сотрудничество соседствовали с не-

¹⁶ Для сравнения: среднемесячная стоимость британского импорта в 1913 г. составляла 54 390 000 ф. ст., к февралю 1919 г. эта цифра почти удвоилась и достигала 101 954 000 ф. ст. Однако показатели экспорта изменились незначительно — с 43 770 000 ф. ст. в среднем в месяц в 1913 г. до 46 759 000 ф. ст. в феврале 1919 г.

доверием. Например, представители Форин Офис Р. Пейджет и У. Тиррелл в меморандуме о территориальных основах мирного урегулирования от 7 августа 1916 г. высказывали мысль о целесообразности вступления США в проектируемую уже тогда международную организацию — Лигу Наций¹⁷. В то же время министр вооружений Э. Монтагю в одной из подготовленных для правительства в том же году записок предостерегал против обращения к заокеанской державе, не ожидая от американских политиков, поглощенных, с его точки зрения, лишь сиюминутными интересами своих партий, решения, в котором проявилась бы забота о «цивилизации, достоинстве и будущей безопасности мира»¹⁸.

После окончания войны в пользу сотрудничества выступала значительная часть британских государственных деятелей (Д. Ллойд Джордж, А. Бальфур, Р. Сесил), канадский премьер-министр Р. Борден, ставший в 1919 г. премьер-министром Южно-Африканского Союза Я. Смэтс, члены влиятельной группы «Round Table». Вовлечение заокеанской державы в международную систему рассматривалось как важный фактор стабильности последней. Финансовое благополучие Великобритании связывалось с восстановлением нормального функционирования мирового хозяйства, что с учетом подорванных войной ресурсов европейских стран требовало сотрудничества с США. В то же время в правительстве не исчезли опасения конкуренции со стороны Вашингтона, способного в силу возросшей экономической мощи существенно потеснить Великобританию с уже ослабленных войной позиций в мировой торговле и финансах. Учитывая военный и финансовый потенциал США, в Лондоне не могли пойти на серьезный конфликт с Вашингтоном, но все же не были готовы без борьбы уступить свое лидерство. Эта двойственность проявлялась в англо-американских отношениях по вопросам строительства военно-морского флота и экономической стабилизации Европы.

Традиционно сохранение господства на море входило в число жизненно важных интересов Великобритании. Показательно, что именно принятие Германией программ строительства ВМФ стало сильнейшим катализатором англо-германского конфликта. Королевский военно-морской флот обеспечивал безопасность метрополии, сохранение империи и поддержание внешней торговли, от которых во многом зависело экономическое благосостояние страны. В связи с этим закономерно, что принятая в США в 1916 г. программа строительства флота, нацеленная на достижение превосходства

¹⁷ TNA. Cab. 24/2/32.

¹⁸ TNA. Cab. 24/2/30.

на море, вызвала серьезную озабоченность в британских правящих кругах. В 1919 г. американский президент В. Вильсон предложил еще более амбициозную трехлетнюю программу, предполагавшую дальнейшее увеличение масштабов морского строительства.

В Англии не желали уступать США доминирование на море, вместе с тем возможности противодействовать заокеанской державе были ограничены. На этот факт обращали внимание в британском Адмиралтействе задолго до Первой мировой войны — в 1901 г.¹⁹ После окончания военного конфликта, в ходе работы Парижской мирной конференции британские лидеры не преуспели в попытках достичь договоренности с США по вопросу морских вооружений. Его обсуждение из-за высокого накала и остроты дискуссии вошло в историю как «морское сражение в Париже».

В декабре 1920 г. Д. Ллойд Джордж характеризовал решение, которое Великобритании предстояло принять по вопросу о целесообразности вступления в морское соревнование с США, как важнейшее политическое решение из всех, принятых после августа 1914 г. Представители Адмиралтейства выступали за сохранение британского превосходства на море, однако финансовые расчеты ставили крест на этих планах. Усугублял финансовые проблемы экономический кризис 1920—1921 гг. В таких обстоятельствах война с США и втягивание в гонку вооружений были признаны неприемлемыми ни по экономическим, ни по политическим соображениям вариантами стратегии. Осознание этого факта стало условием согласия Великобритании в ходе Вашингтонской конференции на признание принципа равенства британских и американских военно-морских сил в тоннаже линейных кораблей, составлявших основную ударную мощь флота. Таким образом, Великобритания отказывалась от традиционного превосходства в линейном флоте и впервые согласилась с тем, чтобы строительство части ее кораблей ограничивалось международными обязательствами. С учетом имевшихся ресурсов британскую дипломатию на Вашингтонской конференции часто расценивают как успех: ей удалось отстоять превосходство в крейсерском флоте; перед лицом способных к более стремительному развитию военно-морского потенциала Японии и США сохранение статус-кво в регионе, обеспечивавшееся договорами «четырёх» и «пяти держав», отвечало целям английской по-

¹⁹ The crisis of British power. The imperial and naval papers of the second earl of Selborne, 1895—1910 / Ed. by D.G. Boyce. London: The Historians' Press, 1990. P. 124. Тогда в Адмиралтействе сделали вывод, что не смогут придерживаться принятого в 1889 г. «двухдержавного стандарта» в качестве основы для программ строительства флота, если США решат использовать весь свой потенциал для наращивания морской мощи.

литики; наконец, исключив разрыв с Вашингтоном, Лондон приобрел возможности для балансирования между США и Японией. Однако очевидно также, что итоги конференции стали еще одним свидетельством утраты Великобританией лидирующих позиций в мире [Ferris, 1990: 55–80; Neilson, 2004: 69–72].

Американский фактор был чрезвычайно значим и в деле экономической стабилизации Европы. Одним из важных ее условий было решение вопроса о военных долгах и репарациях, которые грозили лечь тяжким бременем на и без того существенно ослабленную экономику европейских стран. Крупнейшим кредитором выступали США, предоставившие за годы войны странам Антанты кредиты на сумму около 10 млрд долл., приблизительно 4 млрд долл. из которых пришлось на долю Великобритании [Трухановский, 1962: 88]. Учитывая неопределенность перспектив получения выплат по кредитам от своих должников, значительный внутренний долг, а также стремясь как можно быстрее стабилизировать свою валюту, Великобритания как предпочтительный вариант решения проблемы военных долгов рассматривала взаимное списание.

Однако подобное предложение столкнулось с категорическим неприятием со стороны США. Они также отвергли идею связать военные долги с репарациями Германии. Такой вариант предлагал назначенный в марте 1920 г. управляющим Банком Англии М. Норман, выступивший за выплату долгов германскими обязательствами по репарациям. Видя в Германии потенциальное поле для приложения своего капитала, США стремились к сокращению объема репараций, которые, в представлении американских правящих кругов, препятствовали восстановлению германской экономики, а также ограничивали для страны возможности внешних заимствований в силу ее неспособности предоставить необходимые гарантии для получения займов. Вместе с тем американское руководство не видело причин отказываться от взыскания долгов и процентов по ним. Вашингтон стремился закрепить свое финансовое превосходство, американское казначейство беспокоилось о сокращении золотого запаса, что вкуче с изоляционистскими настроениями ставило крест на надеждах европейских государств.

Демонстрацией англо-американских противоречий стала обращенная к должникам Великобритании «нота Бальфура», составленная в ответ на призыв администрации У. Гардинга в апреле 1922 г. к правительствам европейских стран направить в США миссии для урегулирования вопроса о долгах. В указанном документе британское правительство выразило готовность взыскать с должников лишь ту сумму, которую с Великобритании потребует Вашингтон. Подчеркивая свою приверженность идее списания военных дол-

гов, Англия фактически возлагала ответственность за невозможность ее реализации на требовавшие их возмещения США [Mowat, 1955: 161].

Без аннулирования долгов высокие репарационные претензии Франции и Великобритании становились почти что неизбежностью. Они рассматривались и как некая компенсация потерь, понесенных в войне, и, особенно в случае Франции, как определенная гарантия против быстрого восстановления Германии. Реалии «постлиберальной эры» ожесточенного соперничества держав входили в противоречие со стремлением к восстановлению хозяйственной жизни Европы и свободного течения мировой торговли. Примечательно, что один из наиболее известных критиков Версальского мира английский экономист Дж.М. Кейнс фактически приравнивал политику Англии и Франции на Парижской мирной конференции к действиям начавшей войну Германии. Если «движимый нездоровой иллюзией и безудержным себялюбием германский народ опрокинул те основы, на которых мы существовали и строили нашу жизнь до сих пор», то «представители Франции и Англии не побоялись завершить разорение, начатое Германией, таким мирным договором, который, если войдет в силу, не восстановит, но еще более приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной организацию, посредством которой европейские народы только и могут найти применение своей деятельности и поддерживать свое существование»²⁰.

Однако позиция в вопросе репараций не означала отказа Англии от шагов, направленных на то, чтобы вновь занять центральное место в системе мирохозяйственных связей. Так, исследовавший англо-американские экономические отношения Ф. Костильола назвал Генуэзскую конференцию (10 апреля — 20 мая 1922 г.) попыткой Д. Ллойд Джорджа «интегрировать экономически фрагментированную Европу в торговое и финансовое сообщество, ведомое Лондоном» [Costigliola, 1977: 917]. Великобритания, в частности, стремилась восстановить золотой стандарт как важный механизм международных обменов. В ее планы входило побудить европейские страны к проведению жесткой бюджетной политики, сотрудничеству центральных банков под эгидой Банка Англии. В качестве резерва, поддерживавшего курс валют, наряду с золотом Д. Ллойд Джордж предусматривал использование доллара и фунта стерлингов. В Великобритании рассчитывали, что традиционная роль Лондона как финансового центра будет способствовать ориентации европейских держав на британскую валюту, вызовет приток

²⁰ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского договора (фрагменты) // Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 26.

в Англию золота и позволит поддерживать курс фунта стерлингов по отношению к доллару на прежнем, довоенном, уровне. Разногласия между участниками конференции привели к тому, что британские предложения были приняты лишь в качестве общих рекомендаций. Конкретные механизмы их реализации не были определены.

В качестве необходимой предпосылки претворения в жизнь идей Д. Ллойд Джорджа выступало достижение финансовой стабилизации европейских государств. Однако препятствиями к сбалансированным бюджетам после войны были ограниченность ресурсов, необходимость восстановления экономики и удовлетворения социальных требований массового электората. Естественно, для правительств континентальной Европы решение социально-экономических проблем собственных государств было приоритетным. Важным условием экономической стабилизации являлось также урегулирование вопросов долгов и репараций, решить которые без привлечения США было невозможно. Резолюции Генуэзской конференции, принятые без участия Соединенных Штатов, которые ограничились направлением на нее своего наблюдателя, оставались лишь декларациями о намерениях [Fink, 1984; Newton, 1996: 28].

В конечном итоге США подключились к решению вопроса о репарациях, что отразилось в принятии на Лондонской конференции 1924 г. «плана Дауэса», реализация которого стала одним из условий как экономического оздоровления Германии, так и стабилизации европейской системы международных отношений. Этот шаг на пути к урегулированию репарационного вопроса, ставший возможным в результате англо-американского согласия, позволил американскому исследователю Патрику О'Корсу сделать заключение о процессе складывания трансатлантического порядка (*Rax Anglo-Americana*), который впоследствии был прерван мировым экономическим кризисом начала 1930-х годов [O'Cohrs, 2006].

Вряд ли возможно полностью принять концепцию американского историка, хотя и представляется, что поднятая им проблема нуждается в дальнейшем изучении. Не ставя своей целью дать оценку Лондонской конференции и последовавшей за ней конференции в Локарно, отметим, что англо-американские отношения в тот период еще не носили характера стратегического партнерства. Скорее это было тактическое сотрудничество двух держав. Их по-прежнему разделяли серьезные противоречия в вопросах как военно-морского строительства, так и финансов.

Важно также обратить внимание на специфику американской экономики, которую П. Кеннеди охарактеризовал как «менее зависимую [по сравнению с британской. — *E.P.*] от иностранной торговли и менее вовлеченную в мировую экономику <...>, более

склонную к протекционизму, чем к свободной торговле, лишенную полного эквивалента Банка Англии, колеблющуюся гораздо более сильно в период взлетов и падений, с политиками, находившимися под гораздо большим влиянием местных (domestic) лобби» [Kennedy, 1989a: 363–364]. Это обуславливало недостаточно сильную заинтересованность США в создании мирового экономического порядка, сохранение в их политике мощных изоляционистских тенденций.

Как следует из изложенного, Лондон утратил прежние финансовые и экономические возможности. Настойчивые усилия по возврату довоенных позиций привели к тому, что золотой стандарт фунта стерлингов был восстановлен на уровне довоенного паритета с золотом, а в 1929 г. объемы британских иностранных инвестиций превысили уровень 1914 г. [New Cambridge Modern history, 2014: 56]. Однако могущество лондонского Сити значительно пошатнулось. Англия была недостаточно богата, чтобы «заплатить» за войну, отказавшись от получения процентов по долгам и репараций. Задача восстановления прежней системы мирохозяйственных связей оказывалась для нее непосильной.

Таким образом, ни Великобритания, ни США — хотя и в силу разных обстоятельств — не смогли стать архитекторами нового мирового экономического порядка. В ходе войны 1914–1918 гг. мир не обрел гегемонистской державы. Начавшаяся до военного конфликта «эра соперничества национальных промышленных экономик» продолжалась. Эпоха классического либерализма безвозвратно ушла в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
2. Магадеев И.Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 35–44.
3. Первая мировая война: Энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ю. Сергеева. М.: Весь мир, 2014.
4. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
5. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Романова Е.В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта. 1898–1914. М., 2008.
7. Романова Е.В. Современная западная историография о проблеме происхождения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 127–143.

8. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М.: Издательство Института международных отношений, 1962.
9. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1975. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
10. Cain P.J., Hopkins A.G. British imperialism: innovation and expansion, 1688–1914. London: Longman, 1993.
11. Cassels A. Ideology and international relations in the Modern world. New York: Routledge, 1996.
12. Clark C. Sleepwalkers: how Europe went to war in 1914. New York: HarperCollins, 2013.
13. Costigliola F. Anglo-American financial rivalry in the 1920s // The Journal of Economic History. 1977. Vol. 37. № 4. P. 911–934.
14. Deutsch K., Singer D. Multipolar power systems and international stability // World Politics. 1964. Vol. XVI. P. 390–406.
15. Ferris J.R. The symbol and the substance of seapower: Great Britain, the United States and the one-power standard, 1919–1921 // Anglo-American relations in the 1920s: the struggle for supremacy / Ed. by B.J.C. McKercher. Edmonton, Alta: University of Alberta Press, 1990. P. 55–80.
16. Fink C. The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922. Chapel Hill, NC: University of North California Press, 1984.
17. French D. British strategy and war aims, 1914–1916. New York: HarperCollins Publishers Ltd., 1986.
18. French D. The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918. Oxford: Oxford University Press, 1995.
19. Gallagher J., Robinson R. The imperialism of free trade // Economic History Review. 1953. Vol. 6. No. 1. P. 1–15.
20. Gilpin R. War and change in international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
21. Goldstein E. Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris peace conference, 1916–1920. Oxford: Oxford University Press, 1991.
22. Ikenberry G.J. After victory: institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton NJ: Princeton Univ. Press, 2001.
23. Kennedy P. The realities behind diplomacy: background influences on British external policy, 1865–1980. Glasgow: Fontana Press, 1985.
24. Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. Glasgow: Fontana Press, 1989.
25. Kennedy P. The rise of the Anglo-German antagonism. 1860–1914. London: G. Allen & Unwin, 1980.
26. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
27. Lebow R.N. The tragic vision of politics: ethics, interests, and orders. New York: Cambridge University Press, 2003.
28. Matzke R.B. Deterrence through strength: British naval power and foreign policy under Pax Britannica. Lincoln NE: University of Nebraska Press, 2011.
29. Mowat C. Britain between the wars, 1918–1940. Chicago: University of Chicago Press, 1955.
30. Neiberg M.S. 1917: global war // The Cambridge History of the First World War. Vol. 1. / Ed. by J. Winter. Cambridge Histories Online: Cambridge University Press, 2014.

31. Neilson K. 'Unbroken thread' Japan: maritime power and British imperial defence, 1920–1932 // Kennedy G. British naval strategy East of Suez, 1900–2000. Influences and actions. New York: Routledge, 2004.

32. New Cambridge Modern history. Vol. XII. The shifting balance of world forces, 1898–1945 / Ed. by C.L. Mowat. Cambridge Histories Online: Cambridge University Press, 2014.

33. New thinking in international relations theory / Ed. by M.W. Doyle, G.J. Ikenberry. Boulder CO: Westview Press, 1997.

34. Newton S. Profits of peace: the political economy of Anglo-German appeasement. Oxford: Clarendon Press, 1996.

35. O’Cohrs P. The unfinished peace after World War I: America, Britain, and the stabilization of Europe, 1919–1932. New York: Cambridge University Press, 2006.

36. Peter M. Britische Kriegsziele und Friedensvorstellungen // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Ed. by W. von Michalka. München: R. Piper GmbH & Co. KG., 1994.

37. Schroeder P.W. Did the Vienna settlement rest on a balance of power? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. No. 3. P. 683–706.

38. Schroeder P.W. The transformation of European politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1996.

39. Soutou G-H. L’or et le sang. Les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Fayard, 1989.

E.V. Romanova

WORLD WAR I AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL SYSTEM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Transformation of international system is one of pivotal themes in theory and history of international relations. From this perspective, the analysis of the origins and the outcomes of the World War I, one of the turning points in the history of the European civilization, is of particular interest. In this paper the author seeks to identify some characteristic features of the transformation of international system on the eve and right after the World War I through the examination of changes in the British Empire’s international standing. To interpret and systematize large factual data, the author draws on the concepts of ‘hegemony’ and ‘balance of power’, describing key structural characteristics of an international system. This approach allowed the author to revise certain well-established perceptions and assessments. For example, in the first section the author has shown that Great Britain’s dominance in the global economy throughout most of the nineteenth century contributed to the European balance of power, but by no means was its key determinant. The paper examines a relative decline of the British dominance and the shifts in balance of power in the late nineteenth — early twentieth century due to a wide range of econom-

ic, political and ideological factors, including the rise of ‘emerging’ capitalist powers (namely — the United States and Germany) and the crisis of the European liberalism and conservatism. The second section focuses on the global power shifts after the World War I. The author shows that after the termination of the World War I Great Britain sought to halt the unfavorable trends which had emerged before the outbreak of this conflict. However, the lack of available resources, a large German industrial potential and a rising power of the United States proved to be insurmountable constraints. Germany remained a destabilizing factor in the European balance of power, whereas at the global level neither Britain, nor the United States — although due to different reasons — could become architects of a new economic order. Contradictions between London and Washington prevented them from assuming a role of collective hegemon.

Keywords: World War I, international system, balance of power, hegemony, Great Britain, British Empire, German Empire, the United States, Versailles-Washington system, Middle Europe.

About the author: Ekaterina V. Romanova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

REFERENCES

1. Braudel F. 1979. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle, vol. 3: Le temps du monde*. Paris, A. Colin [Russ. ed.: Brodel’ F. 1992. *Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira*. Moscow: Progress Publ.].
2. Magadeev I.E. 2014. Germanskaya politika Parizha v 20-e gody XX veka v svete urokov pervoi mirovoi voyny [Deep roots of Franco–German tandem? Paris–Berlin couple in the 1920s in the light of lessons and consequences of the First World War]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.).
3. Sergeev E.Yu. 2014. *Pervaya mirovaya voyna. Entsiklopedicheskii slovar’* [World War I. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ves’ mir. Publ. (In Russ.).
4. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.).
5. Revyakin A.V. 2004. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v novoe vremya* [Modern history of international relations]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.).
6. Romanova E.V. 2008. *Put’ k voine. Razvitie anglo-germanskogo konflikta. 1898–1914* [Path to war. Evolution of Anglo–German conflict. 1898–1914]. Moscow, MAKS Press Publ. (In Russ.).
7. Romanova E.V. 2014. Sovremennaya zapadnaya istoriografiya o probleme proiskhozhdeniya Pervoi mirovoi voyny [Contemporary Western historiography on the origins of World War I]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4, pp. 127–143. (In Russ.).

8. Trukhanovskii V.G. 1962. *Vneshnyaya politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [English foreign policy at the first stage of general crisis of capitalism (1918–1939)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta mezhduнародnykh otnoshenii Publ. (In Russ.).
9. Hobsbawm E. J. 1975. *The age of capital, 1848–1875*. New York, Scribner. [Russ. ed.: Hobsbaum E. 1999. *Vek kapitala. 1848–1975*. Rostov-on-Don, Feniks Publ.].
10. Cain P.J., Hopkins A.G. 1993. *British imperialism: innovation and expansion, 1688–1914*. London, Longman.
11. Cassels A. 1996. *Ideology and international relations in the Modern World*. New York, Routledge.
12. Clark C. 2013. *Sleepwalkers: how Europe went to war in 1914*. New York, HarperCollins.
13. Costigliola F. 1977. Anglo-American financial rivalry in the 1920s. *The Journal of Economic History*, vol. 37, no. 4, pp. 911–934.
14. Deutsch K., Singer D. 1964. Multipolar power systems and international stability. *World Politics*, vol. XVI, pp. 390–406.
15. Ferris J.R. 1990. The symbol and the substance of seapower: Great Britain, the United States and the one-power standard, 1919–1921. In McKercher B.J.C. (ed.). *Anglo-American relations in the 1920s: the struggle for supremacy*. Edmonton, Alta, University of Alberta Press, pp. 55–80.
16. Fink C. 1984. *The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922*. Chapel Hill, NC, University of North Carolina Press.
17. French D. 1986. *British strategy and war aims, 1914–1916*. New York, HarperCollins Publishers Ltd.
18. French D. 1995. *The strategy of the Lloyd George coalition, 1916–1918*. Oxford, Oxford University Press.
19. Gallagher J., Robinson R. 1953. The imperialism of free trade. *Economic History Review*, vol. 6, no. 1, pp. 1–15.
20. Gilpin R. 1981. *War and change in international politics*. Cambridge, Cambridge University Press.
21. Goldstein E. 1991. *Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris peace conference, 1916–1920*. Oxford, Oxford University Press.
22. Ikenberry G.J. 2001. *After victory: institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton NJ, Princeton Univ. Press.
23. Kennedy P. 1985. *The realities behind diplomacy: background influences on British external policy, 1865–1980*. Glasgow, Fontana Press.
24. Kennedy P. 1980. *The rise of the Anglo-German antagonism. 1860–1914*. London, G. Allen & Unwin.
25. Kennedy P. 1989. *The rise and fall of the Great Powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000*. Glasgow, Fontana Press.
26. Kissinger H. 1994. *Diplomacy*. New York, Simon & Schuster.
27. Lebow R.N. 2003. *The tragic vision of politics: ethics, interests, and orders*. New York, Cambridge University Press.

28. Matzke R.B. 2011. *Deterrence through strength: British naval power and foreign policy under Pax Britannica*. Lincoln NE, University of Nebraska Press.
29. Mowat C. 1955. *Britain between the wars, 1918–1940*. Chicago, University of Chicago Press.
30. Neiberg M.S. 2014. 1917: global war. In Winter J. (ed.). *The Cambridge history of the First World War*. Vol. 1. Cambridge Histories Online, Cambridge University Press, pp. 110–132.
31. Neilson K. 2004. ‘Unbroken thread’ Japan: maritime power and British imperial defence, 1920–1932. In Kennedy G. *British Naval Strategy East of Suez, 1900–2000. Influences and Actions*. New York, Routledge, pp. 62–89.
32. Mowat C.L. (ed.). 2014. *New Cambridge Modern history. Vol. XII. The shifting balance of world forces, 1898–1945*. Cambridge Histories Online: Cambridge University Press.
33. Doyle M.W., Ikenberry G.J. (eds.). *New thinking in international relations theory*. Boulder CO, Westview Press.
34. Newton S. 1996. *Profits of peace: the political economy of Anglo-German appeasement*. Oxford, Clarendon Press.
35. O’Cohrs P. 2006. *The unfinished peace after World War I: America, Britain, and the stabilisation of Europe, 1919–1932*. New York, Cambridge University Press.
36. Peter M. 1994. Britische Kriegsziele und Friedensvorstellungen. In Michalka W. von (ed.). *Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse*. München, R. Piper GmbH & Co. KG, pp. 95–124.
37. Schroeder P.W. 1992. Did the Vienna settlement rest on a balance of power? *The American Historical Review*, vol. 97, no. 3, pp. 683–706.
38. Schroeder P.W. 1996. *The transformation of European politics, 1763–1848*. Oxford: Clarendon Press.
39. Soutou G-H. 1989. *L’or et le sang. Les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale*. Fayard.